

но-оценочное отношение оратора и реализующие эмотивный характер. Это позволяет политикам оказывать мощное эмоциональное воздействие, повелевать умами и сердцами своих слушателей.

Литература

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. 3-е изд., испр. М., 2002.
3. Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993.
4. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
5. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. Trento, 2003.
7. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. М., 2002.

Н.С. Жукова

ВИДЫ ПАРАДИГМ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА (ОПЫТ ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩЕГО ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Томский государственный педагогический университет

Тенденция к аналитизму в системе современного немецком языка неоднократно отмечалась в лингвистической литературе [1, с. 173; 2, с. 10; 3, с. 176]. Однако при изучении типологической направленности развития всей языковой системы следует учитывать эволюцию самого понятия «анализм», которое эволюционировало вместе с понятием типа языка в направлении смены критериев, отражающих одноуровневые параметры, критериями, связанными с параметрами цельносистемными [4, с. 10]. Именно при характеристике тенденций развития всей системы немецкого языка, а не отдельных ее уровней представляется целесообразным говорить о тенденции к изоляции¹ в системе современного немецкого языка. Ср.: «Невыраженность отношений между словами в самих словах есть признак изоляции, чем выше степень изоляции, тем выше аналитичность языка» [5, с. 83–84].

Эта общая тенденция к изоляции проявляется в существовании в системе современного немецкого языка конкретных явлений как внутри-, так и межуровневого характера, отражающих на синхронном срезе произошедшие и происходящие в языковой

системе изменения. К такого рода типологически релевантным изменениям относится прежде всего изменение соотношений между морфологическим и синтаксическим уровнями, а именно передача ряда функций от морфологических средств к синтаксическим². Постепенностью этого процесса объясняется существование в современном немецком языке системной избыточности (когда в системе языка существуют и морфологическая, и синтаксическая категории для выражения тех же самых значений) [7], явления синкретизма³ (когда при выражении соответствующих категориальных значений указанная системная избыточность преодолевается на морфологическом уровне в одной части микропарадигмы с сохранением ее в другой) и различных видов как глагольной, так и именной парадигмы⁴.

Цель настоящей статьи – показать типологическую значимость различных видов глагольной парадигмы современного немецкого языка. Выделение нескольких видов любой парадигмы – как глагольной, так и именной – возможно лишь при соблюдении дифференцирующего метода описания морфологических категорий.

¹ Подробно об анализе и изоляции как разнопараметровых характеристиках см. [4, с. 14–15].

² Ср. «Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков дает материал для суждения о том, как в пределах флективного типа развитие аналитизма может привести к свертыванию словоизменительных грамматических категорий (падежа и рода в системе имени, лица в системе глагола)» [6, с. 38].

³ Само существование синкретичных форм объясняется, в свою очередь, постепенностью преодоления системной избыточности. Подробно о синкретизме см. [8].

⁴ О различных видах парадигмы имени прилагательного см. [9].

При выборе метода описания морфологических категорий необходимо учитывать неоднородность морфологического уровня, отражающую постоянные изменения, движение, присущие всей языковой системе как объективно существующей реальности. Следовательно, сам метод будет отвечать критерию адекватности только в том случае, если он позволяет показать сочетание «нового» и «старого», элементы «отмирающие» и «зарождающиеся», в которых на синхронном срезе реализуются происходящие языковые изменения.

Можно привести немало примеров из лингвистической литературы, когда исследователи по-разному интерпретируют одни и те же факты того же языка. Это имеет место как при описании именной, так и глагольной парадигмы. Так, например, нет единства мнений относительно количества падежей в русском склонении [10]. Как показал анализ подобных спорных случаев, основные разногласия имеют место, когда часть слов различает большее количество словоформ, чем остальная. В подобных случаях применяют либо дифференцирующий, либо унифицирующий метод описания. О вариантах описания – «унифицирующий по образцу более дифференцированной парадигмы (А)», «унифицирующий по образцу менее дифференцированной парадигмы (Б)» и «дифференцирующий» (В) см. [11, с. 195].

Дифференцирующий метод описания допускает разный набор категорий для различных классов слов по сравнению с унифицирующим методом, когда число словоформ в парадигме одного подкласса слов устанавливается по образцу более дифференцированной или по образцу менее дифференцированной парадигмы. Например, сторонники унифицирующего метода различают в современном немецком языке форму индикатива множественного числа настоящего времени (*wir, sie*) geben и форму множественного числа императива geben (*wir, sie*) у всех глаголов, так как в парадигме глагола *sein* для выражения соответствующих значений существуют две разные формы. Ср.: (*wir, sie*) sind / *sein* (*wir, sie*). Дифференцирующий метод, согласно которому отдельные морфологические категории могут быть представлены одновременно несколькими парадигмами, содержащими различное количество словоформ, позволяет показать в соответствии с онтологией языковой системы постепенность языковых изменений, так как выделяет соответствующие подклассы, в существовании которых на синхронном срезе отражаются определенные морфологические изменения. Язык как средство постоянного общения изменяется, оставаясь в то же время самим собой, поэтому языковые изме-

нения носят постепенный характер и не могут охватить сразу все классы слов.

Применение унифицирующего метода как бы «затемняет» те изменения, которые происходили и происходят в языковой системе. В частности, остается в тени определенный сдвиг в способе передачи ряда значений от морфологических средств к синтаксическим. Этот процесс уже завершен в английском языке, и современный английский язык с точки зрения его цельносистемных типологических параметров относится к изолирующему типу. В современном немецком языке как раз происходит, как уже отмечалось выше, передача ряда функций от морфологических средств к синтаксическим, т.е. имеет место изменение соотношений между морфологическим и синтаксическим уровнями, что является конкретным проявлением общесистемной тенденции к изоляции. При таком положении дел применение унифицирующего метода описания заслоняет перспективу развития системы языка.

В соответствии с дифференцирующим методом отдельные морфологические категории могут быть представлены в языке одновременно несколькими парадигмами с различным количеством словоформ. Это, в свою очередь, связано с признанием существования в парадигме с меньшим числом словоформ синкретичных форм и отрицанием явления омонимии. Когда же состав парадигмы одного подкласса определяется по аналогии с парадигмой другого подкласса, содержащего большее число форм (унифицирующее описание А), то, естественно, в описание вводятся омонимы. Таким образом, выбор метода описания морфологических категорий связан с проблемой разграничения синкретизма и омонимии применительно к явлениям морфологического уровня.

Согласно предложенному Л.С. Ермолаевой определению, синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различения соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период его развития [12, с. 21–22].

Применение дифференцирующего метода описания морфологических категорий позволяет выделить в системе современного немецкого языка несколько типов парадигм. Примером полной¹ парадигмы, характеризующей большинство глаголов современного немецкого языка, является парадигма глагола “*loben*”. Она содержит лишь случаи неразрешимого синкретизма, например: (*wir, sie*) *loben*; (*ich, er*) *lobte*. Синкретизм является разрешимым, если в пределах его по аналогии можно подобрать единицы, эксплицитно противопостав-

¹ Термины полная, редуцированная и сверхполная парадигма предложены Л.С. Ермолаевой [2].

ленные в парадигме. Если такие аналогии невозможны, то синкретизм неразрешим. Таким образом, различие между этими видами синкретизма касается охвата единиц одного класса: если разрешимый синкретизм распространяется лишь на часть единиц, то неразрешимый синкретизм характеризуется полным охватом слов того или иного лексико-грамматического разряда. Подробно о разрешимом и неразрешимом синкретизме см. [13, с. 347].

Разрешимый синкретизм лежит в основе редуцированной парадигмы, например, парадигмы претерито-презентных глаголов. Претерито-презентные глаголы, в отличие от глаголов с полной парадигмой, имеют синкретичную форму в отношении лица, выражающую невторое лицо единственного числа, ср.: (ich, er) will – укрупненная граммема невторого лица.

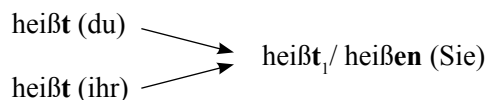
Ср.: см. рис. 1.

В полной парадигме категория лица в единственном числе в настоящем времени представлена тремя граммемами, а в редуцированной парадигме – двумя граммемами. Пример редуцированной парадигмы представляет собой также парадигма группы глаголов с основами на -s, -ss, -ß, -tz, -z, -x и некоторые другие согласные. Ср.: см. рис. 2.

В данной парадигме форма heißt₁ синкретична в отношении числа и выражает второе лицо (безотносительно к единственному и множественному числу), так как обе формы принадлежат к одной частной парадигме (числа) и различаются соответственно только одним дифференциальным призна-

ком. Формы (er) heißt₂ и (ihr) heißt₁ невторое лицо единственного и множественного числа – являются омонимичными, так как входят в разные парадигмы (лица и числа) и различаются соответственно по двум дифференциальным признакам (по лицу и числу).

Представляется неправомерным считать форму heißt₂ синкретичной формой в отношении лица, так как форма (er) heißt₂ нейтральна в отношении значений вежливости/невежливости (категории респективности)¹, а форма (du) heißt выражает «невежливое» значение по сравнению с формой heißen (Sie), что еще раз подтверждает возможность объединения ее с формой heißt (ihr) в синкретичную форму второго лица, так как последняя образует вместе с формой heißen (Sie) категорию респективности. Ср.:

Следовательно, данная синкретичная форма противостоит форме (du) heißt₁ только по одному дифференциальному признаку, а форме (er) heißt₂ – по двум дифференциальным признакам. Тогда парадигма рассматриваемых глаголов имеет следующий вид:

1 лицо	(ich) heiße	heißen (wir, sie)
2 лицо	heißt ₁ (du, ihr)	
3 лицо	(er) heißt ₂	

Полная парадигма

Редуцированная парадигма

Единственное число

lobe	1 л.	не 2-е 2 л.	лицо
lobst	2 л.		
lobt	3 л.	2 л.	

will – разрешимый синкретизм
willst

Множественное число

(wir, sie) loben	→	неразрешимый синкретизм	←	wollen (wir, sie)
(ihr) lobt				wollt (ihr)

Рис. 1.

Единственное число		
1 лицо	(ich)	heiße
2 лицо	(du)	heißt ₁
3 лицо	(er)	heißt ₂

Множественное число			
(wir)	heißen	→	не-2 лицо мн. ч.
(ihr)	heißt ₁		
(sie)	heißen		

Рис. 2.

¹ О категории респективности см. [14].

Форма heißt₁ (du, ihr) представляет собой пример разрешимого синкретизма в отношении числа, так как у основной массы глаголов значения единственного и множественного числа второго лица выражаются отдельными глагольными формами с соответствующими грамматическими маркерами. Ср. неразрешимый синкретизм невторого лица множественного числа у всех глаголов.

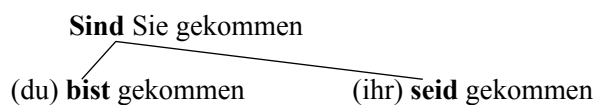
Таким образом, развитие категорий лица, числа характеризуется постепенным, хотя и неравномерно протекающим выравниванием формальных средств выражения, нарастанием синкретичных форм и появлением омонимичных, что неизбежно приводит к преобразованию морфологической парадигмы лица, числа, а именно к ее свертыванию, обусловленному переносом центра тяжести в выражении данных значений с морфологического на синтаксический уровень.

На фоне регулярных глаголов представляется правомерным рассматривать парадигму глагола “sein”, имеющую две дополнительные оппозиции, как сверхполную парадигму, асимметричность строения которой на фоне полной парадигмы отражает пережиточность супплетивизма как средства формообразования. Данный способ выражения грамматических значений занимает в системе словоизменения незначительное место. По сравнению с регулярными формами супплетивные формы встречаются сравнительно редко. «Удельный вес супплетивизма по сравнению с аффиксацией, внутренней флексией, долготой... незначителен, – во всех индоевропейских языках супплетивизм принадлежит не к основным, ведущим, а к второстепенным, дополнительным способам формообразования и словообразования» [15, с. 15]. Эту точку зрения разделяет большинство исследователей и относят супплетивность к периферийным явлениям. См. [16, с. 263].

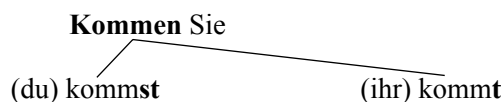
При употреблении в функции вспомогательного глагола в аналитических формах (в формах перфекта) формы глагола “sein” выражают соответствующие грамматические значения и приобретают регулярный характер. Ср., например, выражение категориального значения лица и числа в аналитических формах перфекта с глаголом “sein” с выражени-

ем значений соответствующих категорий в других временных формах. Показательно в этом плане сравнение по категориям, в которых категориальное значение лишь в отдельных случаях выражено самой формой, то есть по категориям, имеющим синкретичные формы. Ср.: см. рис. 3.

В первом и третьем лице множественного числа перфекта категория лица не выражена, форма sind синкретична в отношении лица, выражает невторое лицо множественного числа. Аналогично во всех других синтетических и аналитических временных формах в глагольной парадигме немецкого языка. В первом и третьем лице единственного числа (bin, ist) категория лица выражена морфологически в отличие от первого и третьего лица единственного числа ирреалиса (конъюнктива II), а также претерита и плюсквамперфекта реалиса (индикатива). Первое и третье лицо единственного числа выражено также и в презенсе реалиса (индикатива). Например: (ich) sage, (er) sagt. Категория наклонения не имеет синкретичных форм, поэтому невозможно говорить о появлении новых оппозиций в категориях, где морфологически выражены все противопоставления. Однако значение категории числа не выражено в вежливой форме, которая является синкретичной в отношении множественного и единственного числа. Ср.:

Данная оппозиция по числу не выражена и в остальных временных формах. Ср.:

Таким образом, следует констатировать, что аналитические формы перфекта со вспомогательным глаголом “sein” не обнаруживают новых оппозиций по сравнению с другими временными формами глагола.

	Категория лица		
	Презенс	Претерит	Перфект
	Единственное число		
1 лицо	sage	sagte	bin gefahren
2 лицо	sagst	sagtest	bist gefahren
3 лицо	sagt		ist gefahren
	Множественное число		
не-2 лицо	sagen	sagten	sind gefahren
2 лицо	sagt	saget	seid gefahren

Рис. 3.

Оппозиция личные/неличные формы у глагола “sein” образуется, в отличие от регулярных глаголов, различными формами. Ср.: (wir/sie) sind/sein (инфинитив); регулярные ряды (wir/sie) sagen/sagen (инфинитив). В данном случае различающиеся по своему внешнему облику формы невторого лица множественного числа глагола “sein” и его инфинитив также не образуют дополнительной оппозиции по сравнению с регулярными глаголами, так как эта оппозиция выражена во всей глагольной системе, несмотря на звуковые совпадения соответствующих форм, которые являются омонимичными. Данные формы являются омонимичными не потому, что они различаются у глагола “sein”. Глагол бытия не оказывает влияния на систему¹, а наоборот, как показывает история немецкого языка, в парадигме глагола “sein” происходят изменения по аналогии с регулярными глаголами под влиянием системы. Так, если в древневерхненемецком языке форма императива второго лица множественного числа глагола бытия wêset отличалась от соответствующей формы индикатива birut, то у регулярных глаголов эти формы совпадали, например: teilet (faret). Синкретизм этих форм носил исконный характер. Тогда данные формы глагола “sein” являлись гетеронимичными, так как корреляция birut/wêset устанавливалась сама по себе, без опоры на регулярные ряды глаголов², и парадигма глагола бытия давала дополнительную оппозицию по сравнению с парадигмой регулярных глаголов. Однако в процессе развития языка в парадигме глагола sein произошла аналогичная унификация по образцу регулярных глаголов. В результате этого в парадигме глагола sein, как и в парадигме регулярных глаголов, в современном немецком языке имеется форма второго лица множественного числа реализа (ihr) seid, синкретичная в отношении волеизъявления/неволеизъявления. Ср.:

современный немецкий	seid	fragt,	sagt
древневерхне- немецкий	birut / wêset	fraget,	saget

Примеры аналогической унификации в парадигме глагола дает не только история немецкого языка. Это подтверждают и современные диалекты. Ср. примеры, приведенные В.М. Жирмунским, который отмечает, что аналогическая унификация, вы-

ступающая еще в древнем языке, широко представлена в современных диалектах. Так, например, основная часть франкских говоров имеет ассимиляцию sin, sên, которая проникла и в нижнеэльзасские говоры. Из множественного числа эта форма первого и третьего лица sin, sên проникает в большинстве западносредненемецких диалектов в первое лицо единственного числа, вытесняя изолированное bin, например: рун. Берг.zen, ю.моз.Отв. zen, рфрк. Крн. sin, лот.флб. zin и т.д. [18, с. 529].

Таким образом, как показывают проанализированные примеры, глагол “sein” в современном языке, выступая в своих структурных функциях в аналитических формах, не обнаруживает новых оппозиций, а демонстрирует лишь дополнительные средства маркирования в тех случаях, в которых соответствующее грамматическое значение уже выражено иными средствами, т.е. глагол бытия не дает дополнительных оппозиций, а поддерживает избыточность (значения лица и числа четко выражены местоимениями), существующую в системе современного немецкого языка.

Как показывает история развития немецкого языка, не глагол “sein” влияет на глагольную систему, а система довлеет над глаголом “sein”, вследствие чего происходит уменьшение дополнительных оппозиций в парадигме глагола “sein” и сближение ее с парадигмами регулярных глаголов.

В свободном употреблении форм глагола “sein” в его парадигме наблюдаются, как уже отмечалось выше, две дополнительные оппозиции. Эти оппозиции образуют формы первого лица единственного числа и невторого лица множественного числа императива с соответствующими формами индикатива: (ich) bin/sei, (wir, sie) sind/seien. В остальном парадигма глагола бытия не отличается от регулярных глаголов. Выраженность противопоставления волеизъявления/неволеизъявления во множественном числе глагола бытия seien/sind послужила одной из причин констатирования в микропарадигме регулярных глаголов сторонниками унифицирующего метода омонимичных форм индикатива и императива множественного числа. Ср. (wir, sie) sagen/sagen (wir, sie).

Картина иерархии морфологических категорий³ для глагола “sein” аналогична той, которая была установлена для регулярных глаголов. Исключение составляет категория волеизъявления/неволеизъявления, у которой процент морфологической выраженности несколько выше, чем у регулярных гла-

¹ Сторонники унифицирующего метода в подобных случаях берут глагол “sein” за эталон, т.е. один глагол влияет на всю глагольную систему.

² Ср. определение гетеронимии: «Свойство разнокоренных единиц вступать в системные отношения непосредственно – на основе взаимообусловленности категориального и дифференциальных признаков – целесообразно называть гетеронимией» [17, с. 17].

³ Об иерархии морфологических категорий глагола в современном немецком языке см. [19].

голов, так как данная категория имеет две дополнительные оппозиции. (Следует, однако, отметить, что форма первого лица императива глагола "sein" – sei в современном немецком языке малоупотребительна и представляет собой архаизм). В данном случае процент морфологической выраженности категориального значения волеизъявления составляет 25 % по сравнению с 7 % у регулярных глаголов. Большая степень морфологической выраженности рассматриваемой категории у глагола бытия по сравнению с регулярными глаголами не изменяет в принципе картину иерархической зависимости морфологических категорий, установленную для регулярных глаголов, так как и в парадигме глагола "sein" категория волеизъявления/неволеизъявления обладает наименьшим процентом морфологической выраженности по сравнению с остальными категориями глагола и зависит от них.

Материал данной статьи показал, что неправомерно принимать в качестве образца для установления полной парадигмы единичную парадигму глагола "sein", формы которой являются архаичными¹. Как отмечает В.Н. Ярцева, «архаизм должен, во-первых, обладать относительной устойчивостью, во-вторых, выделяться на фоне нормативных форм как исключение» [20, с. 294]. Супплетивные формы удовлетворяют обоим этим требованиям². Наши отечественные лингвисты, занимающиеся проблемами супплетивизма, характеризуют супплетивизм как непродуктивный способ образования форм слова и относят его к пережиточным явлениям [16; 21; 15; 17].

В этой связи представляется уместным обратить внимание на интересную мысль Л.В. Щербы о противопоставлении лексического грамматическому как единичного типовому. В этом смысле он предлагает говорить о явлениях словарных и типовых и относит спряжение глаголов, представляющих собой явления единичные, не находящие себе аналогов в глагольной системе языка, к фактам словаря. В качестве примера Л.В. Щерба приводит русский глагол «дать». «Так в русском языке спряжение глагола дать в форме настоящего и будущего времени оказывается явлением единичным, не находящим себе аналогов в русском глаголе, а потому его можно бы называть словарным фактом. Спряжение же глагола «варить» в то же время оказывается типовым, поскольку по этому типу спрягается бесконечное число глаголов русского языка. Поэтому этот факт можно бы и называть типовым» [22, с. 88–89]. Аналогично спряжение глагола бытия представля-

ет собой единичное явление в системе современного немецкого языка. На фоне такого подхода к языковым фактам попытка принять за образец единичную парадигму глагола "sein", по типу которой не образует свои формы ни один другой глагол в системе языка, является необоснованной.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что нецелесообразно принимать парадигму глагола "sein" за полную парадигму в современном немецком языке. Следует признать ее «сверхполной» парадигмой по сравнению с регулярными глаголами, парадигма которых считается «полной». На фоне «полной» парадигмы регулярных глаголов «сверхполная» парадигма глагола "sein" будет асимметричной. Аналогично и редуцированная парадигма асимметрична на фоне полной. Как замечает по поводу строения грамматических систем Л.С. Бархударов, в целом для грамматических систем и подсистем языка характерна симметричность строения в смысле определенной регулярности, повторяемости общих принципов этого строения в отдельных частях парадигматической системы. Однако эта общая симметричность нарушается в отдельных частях системы элементами асимметрии, которые представляют собой пережиточные явления, унаследованные от предыдущих этапов развития данного языка... в определенных случаях, возможно, такими элементами асимметрии могут быть также явления новые, только еще нарождающиеся [23, с. 110; 24, с. 27]. К таким явлениям, унаследованным от предыдущих этапов развития языка, относится супплетивизм, чем и объясняется асимметричность парадигмы глагола "sein". Асимметричность парадигмы глагола бытия по сравнению с регулярными глаголами еще раз подтверждает его архаичность и иррегулярность для современного состояния языковой системы, так как типичной для современного немецкого языка является полная парадигма, характеризующая основное большинство глаголов.

В асимметричности строения парадигмы глагола "sein" и редуцированных парадигм на фоне полной отражаются, с одной стороны, пережиточность супплетивных образований, а с другой – «ростки» нового, связанного с переносом центра тяжести в выражении ряда значений от морфологии к синтаксису, т.е. существование различных видов глагольной парадигмы в современном немецком языке является типологически релевантным и свидетельствует о типологически значимых для его системы изменениях.

¹ Ср.: «Характеристикой архаизма является его изолированность в общей системе грамматических форм, типичных для данного языка, и вместе с тем пережиточность самого конструктивного образца, исторически объясняемого как остаток некогда распространенного грамматического типа» [20, с. 294].

² Ср. коэффициент сохраняемости супплетивных форм глагола бытия в современном немецком языке [17, с. 66].

Литература

1. Hutterer C.J. Über die Möglichkeit einer historischen Typologie der germanischen Sprachen // Theoretical problems of typology and the Northern Euroasian languages. Budapest, 1970.
2. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1978.
3. Москальская О.И. Типология системы падежей // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977.
4. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
5. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965.
6. Гухман М.М. Соотношение словоизменительных грамматических категорий и типология языка // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М., 1975.
7. Жукова Н.С. Языковая избыточность в синхронном и диахронном аспектах (на материале немецкого и русского языков) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 6.
8. Жукова Н.С. Системная соотнесенность некоторых явлений в морфологии немецкого глагола // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: гуманитарные науки (филология: индоевропейские и сибирские языки). 2005. Вып. 4.
9. Парамонова Н.Г. Морфосинтаксис прилагательного в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
10. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
11. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
12. Ермолаева Л.С. О принципе историзма в грамматических описаниях // Сб. научн. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностранных языков им. М. Тореза. М., 1981. Вып. 170.
13. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
14. Пронина Т.А. Грамматический статус категории лица и числа в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
15. Самойленко С.П. Супплетиви української мови // Українська мова в школі. 1981. № 2.
16. Пальяк И.Л. О трактовке явления супплетивизма индоевропейских языков в последние два столетия, преимущественно в русской и немецкой лингвистике // Труды по русской и славянской филологии. Учен. записки Тартуского гос. ун-та. 1981. Вып. 104.
17. Конечная В.П. Супплетивизм в германских языках. М., 1979.
18. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.-Л., 1956.
19. Жукова Н.С. Глагольная подсистема немецкого языка в различные периоды его развития // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (филология: индоевропейские и сибирские языки). 2005. Вып. 4.
20. Ярцева В.Н. Развитие грамматического строя языка и проблема архаизмов // Проблемы современной филологии: Сборник статей к 70-летию акад. В.В. Виноградова. М., 1965.
21. Горбачевский А.А. К вопросу о путях возникновения супплетивных форм в славянских языках. Душанбе, 1967.
22. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1974.
23. Бархударов Л.С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем (на материале глагола в английском и французском языках) // Вопр. языкознания. 1966. № 4.
24. Бархударов Л.С. О симметрии грамматических систем (на материале глагольных систем в английском и французском языках) // Тезисы научной конференции «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка». М., 1965.

Т.Ю. Казанцева

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕННЫХ ОСНОВ ГОТСКОГО ЯЗЫКА С КОНСОНАНТНЫМИ ФОРМАНТАМИ

Северская государственная педагогическая академия

Склонение существительных в зависимости от основообразующего форманта, будучи архаичным в индоевропейских языках, обнаруживает связь с категорией одушевленности/неодушевленности не только посредством семантического состава имен, формирующих каждую группу, но также и по ряду формальных признаков.

Как и в других древнегерманских языках, в готском языке принцип деления по основам сосуществует с делением по родам. Бывшие немаркированные основы по принципу рода сосредотачивают в своих склонениях большое количество одушевленных имен. Естественно, что лексическое значение существительных в какой-то мере отражает былое